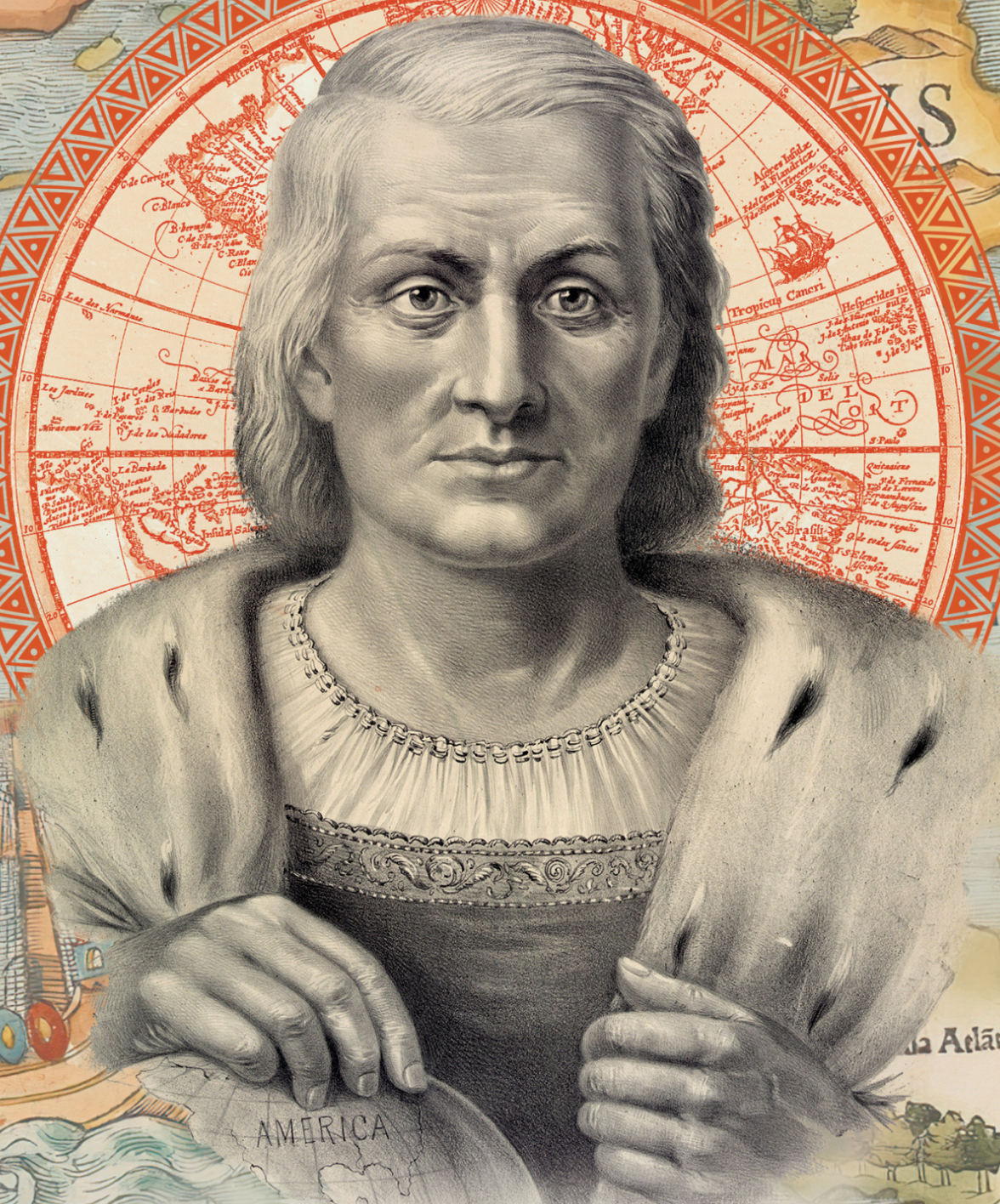
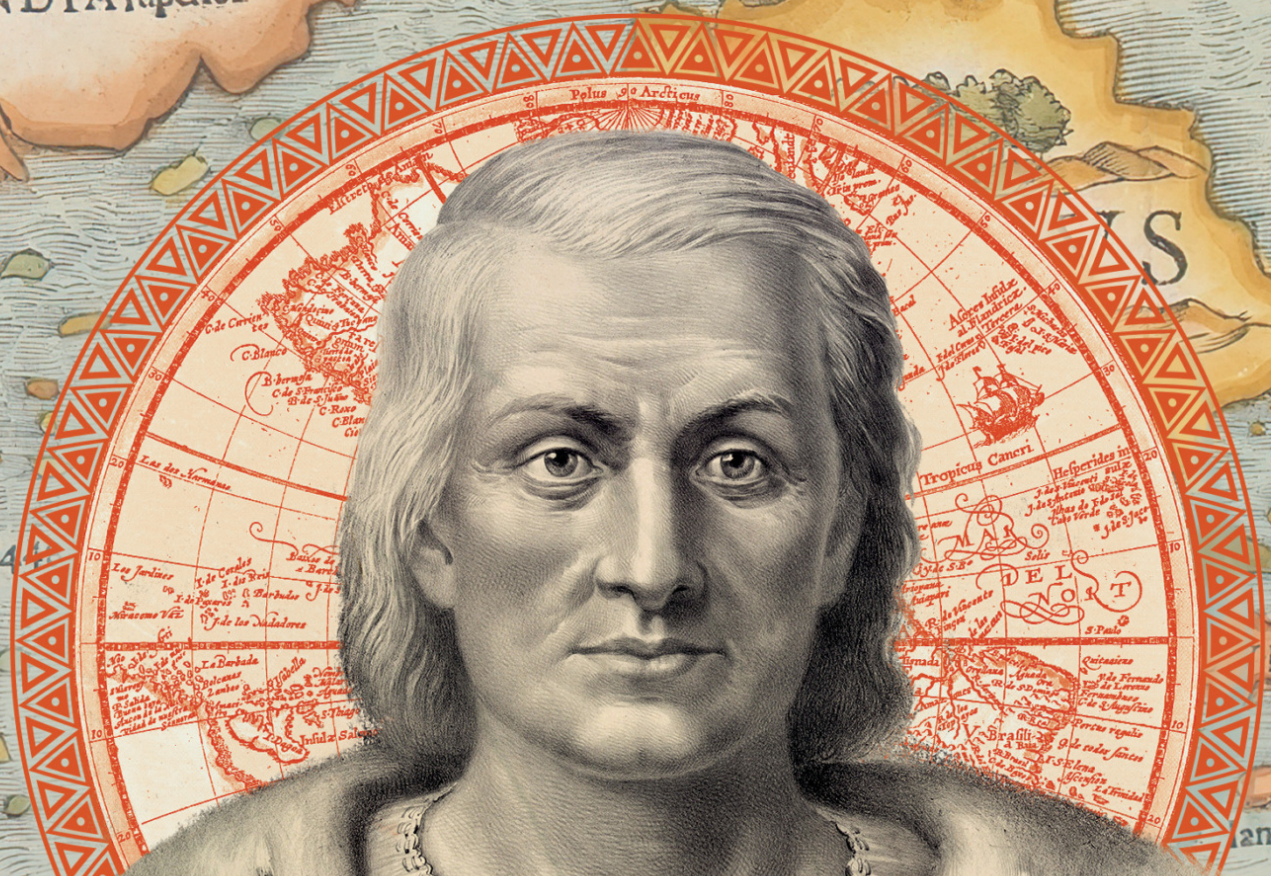
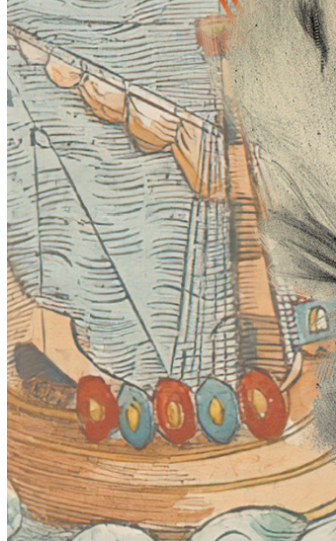


INDIA superior

elagus 74
Insularū



НЕИЗВЕДАННЫЕ
ЗЕМЛИ

КОЛУМБ

Фелипе Фернандес-Арместо

Исторический интерес

Фелипе Фернандес-Арместо
Неизведанные земли. Колумб

«Азбука-Аттикус»

1991

УДК 910.4
ББК 63.30

Фернандес-Арместо Ф.

Неизведанные земли. Колумб / Ф. Фернандес-Арместо —
«Азбука-Аттикус», 1991 — (Исторический интерес)

ISBN 978-5-389-25181-6

Имя Христофора Колумба навсегда вошло в историю великих мореплавателей и географических открытий: он первым проложил путь через Атлантику к американским берегам благодаря своему упорству и решимости. Ему посвящен национальный праздник, о нем снято множество фильмов, в его честь названы страна Колумбия, города, кратер, астероид. Однако его личность до сих пор остается загадкой. Развенчивая мифы и легенды, британский историк Фелипе Фернандес-Арместо создал самую полную на сегодняшний день биографию Колумба – самоучки, отчаянно пытавшегося добиться расположения при дворе, авантюриста, мечтателя. Эта книга, написанная с точностью документальной хроники, читается увлекательно, словно захватывающий приключенческий роман. «Колумб был необразованным человеком, знавшим о своем невежестве, но бросившим вызов общепринятой мудрости своего времени. Преклонение перед старыми текстами не мешало ему испытывать восторг всякий раз, когда удавалось скорректировать их на основе опыта. Это делает его одним из последних светочей средневековой космографии и одним из первых маяков Научной революции...» (Фелипе Фернандес-Арместо) Книга выходит на русском языке в двух сериях под названиями «Колумб: Неизведанные земли» (серия «Персона») и «Неизведанные земли: Колумб» (серия «Исторический интерес»). В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн

УДК 910.4
ББК 63.30

ISBN 978-5-389-25181-6

© Фернандес-Арместо Ф., 1991

© Азбука-Аттикус, 1991

Содержание

Хронология	8
Предисловие	11
1	19
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Фелипе Фернандес-Арместо Колумб. Неизведанные земли

*Вы, те, кто появляется на свет,
чтоб новую открыть эпоху,
благословить, запутать, ужаснуть.
Приходите вы в чередe времен
Стихийно, как мельчайшие букашки
На самых незаметных из листочков.
Но открываете дорогу несчастьям и расколам
мира.*

Томас Гарди. Династы

*Они все смеялись над Христофором Колумбом,
Когда он говорил, что Земля круглая.*

Ха-ха-ха! – и кто теперь смеется последним?

Джером Керн. Роберта

*Какая достаточно часто, капля воды может продолбить камень.
Колумб. История третьего путешествия*

Felipe Fernández-Armesto
COLUMBUS

Опубликовано с согласия David Higham Associates Limited и The Van Lear Agency LLC

© Felipe Fernández-Armesto, 1991

© Льюренте К. Р., перевод на русский язык, 2024

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2024
КоЛибри®

* * *

«Хорошо документированная, научная краткая биография. Фернандес пробирается через все легенды и предположения, которые сложились о Колумбе, к неприукрашенным фактам об этом неуловимом человеке, в контексте мира XV века. Он восстанавливает историю исследователя, изучая его характер, используя в качестве основы повествования слова самого мореплавателя. Читатели будут восхищаться развитием его географических идей, удивляться описаниями его путешествий и сочувствовать его катастрофической карьере администратора»

Долорес М. Штайнхауэр, Научно-технический институт Томаса Джефферсона

«Фернандес-Арместо создает портрет Колумба, показывая его сильные и слабые стороны, его цели и достижения. В книге рассказывается о человеке, на которого повлияли его время и идеи эпохи, и о том, как с этими идеями он отправился на поиски Индии».

Anthony Bosnick

«По сути, это неизвестная история, поскольку то, чему нас учат в школе, почти полностью состоит из лжи и мифов, например, что королева продала драгоценности, чтобы оплатить первое путешествие, или что все во времена Колумба верили, что Земля плоская <...> Жизнь Колумба, очень хорошо описанная Фернандесом-Арместо, представляет собой великолепную, трагическую и невероятную эпопею, читающуюся как лучшие приключенческие романы».

Guillermo Maynez

Хронология

- 1429 – Будущий отец Колумба, Доменико Коломбо, учится на ткача.
ок. 1445 – Доменико Коломбо женится на Сусанне Фонтанароссе.
ок. 1451 – Рождение Колумба в Генуе или близ нее.
1472 – Колумб вместе с отцом занимается семейным ткацким бизнесом.
ок. 1476 – Колумб переезжает в Лиссабон.
ок. 1477 – Совершает путешествие в Исландию, возможно с посещением Англии и Ирландии.
1478 – Поездка с целью закупки сахара от фирмы Чентурионе, зарегистрированной на Мадейре.
ок. 1479 – Женитьба на Филипе Монис де Перестрелло.
1480 – Рождение старшего сына, Диего.
ок. 1482–1485 – Поездка(и?) в Сан-Жоржи-да-Мину.
ок. 1484 – Впервые обращается к королю Португалии Жуану II с проектом пересечения Атлантики.
ок. 1485 – Ищет покровителя в Кастилии.
1486 – Май: аудиенция у Фердинанда и Изабеллы в Кордове
1488 – Ноябрь: у Беатрис Энрикес родился сын Колумба Фернандо.
Декабрь: Колумб, вероятно, снова в Лиссабоне.
ок. 1489–1490 – Брат Колумба Бартоломе предлагает проект во Франции и Англии.
1489 – Май: Колумба принимают при дворе Фердинанда и Изабеллы.
1492 – Январь: финансовый консорциум под руководством Луиса де Сантанхеля решает поддержать Колумба.
17 апреля: Колумб заключает контракт с испанскими монархами на поиск «островов и материков в Океанеморе».
23 июня: Колумб получает корабли и набирает людей в Палосе.
3 августа: отплывает из Палоса с целью пересечь Атлантику.
12 августа: прибывает на Канарские острова для переоборудования и ремонта судов.
6 сентября: отправляется из Сан-Себастьяна-де-ла-Гомеры.
12 октября: прибывает на один из Багамских островов.
28 октября: открытие острова Куба.
6 декабря: открытие острова Эспаньола¹.
24 декабря: флагманский корабль «Санта-Мария» садится на мель, и команда сходит на берег.
25 декабря: основан форт Навидад на Эспаньоле.
1493 – 16 января: Колумб покидает Эспаньолу.
14 февраля: Колумб впервые слышит «небесный голос» и отмечает это в своих записях.
17 февраля: Колумб появляется вблизи Азорских островов, куда моряки высаживаются
18 февраля.
4 марта: Колумб прибывает в Лиссабон; отбывает 11 марта.
15 марта: Колумб прибывает в Палос.
Апрель: Колумб лично предстает перед Фердинандом и Изабеллой в Барселоне с отчетом о своих открытиях.

¹ Современное название – Гаити. – *Здесь и далее, если не указано иное, прим. ред.*

3–4 мая: папа Александр VI издает буллы *Inter Caetera*², предоставляющие Кастилии суверенитет над открытиями Колумба.

25 сентября: Колумб отправляется в свое второе путешествие через Атлантический океан.

13 октября: покидает Йерро и пересекает Атлантику.

3 ноября: высаживается на острове Доминика.

18 ноября: после серии открытий Малых Антильских островов Колумб открывает остров Пуэрто-Рико.

23 ноября: прибывает на Эспаньолу.

28 ноября: прибывает в форт Навидад и обнаруживает, что весь гарнизон уничтожен.

1494 – 24 апреля – 29 сентября: Колумб покидает Эспаньолу для исследования Кубы и Ямайки.

28 сентября: Колумб воссоединяется со своим братом Бартоломе на Эспаньоле.

1495 – Март: Колумб начинает серию сражений, длившихся более года, с целью покорения внутренних районов Эспаньолы.

Октябрь: Хуан Агуадо прибывает для проведения судебного расследования в связи с исполнением Колумбом обязанностей губернатора.

1496 – 10 марта: Колумб отплывает с Эспаньолы, направляясь в Испанию через Мари-Галант и Гваделупу; прибывает в Кадис 11 июня.

1497 – 23 апреля: Фердинанд и Изабелла дают первые инструкции Колумбу для его третьего путешествия.

Лето: Колумб проводит некоторое время в монастыре Ла-Мехорада.

1498 30 мая: Колумб отправляется из Санлукар-де-Баррамеды в третье путешествие через Атлантику, через острова Зеленого Мыса.

1 июля: прибывает в Сантьяго; отплывает 4 июля.

31 июля: открытие острова Тринидад.

2–13 августа: исследует побережье материковой Америки вдоль полуострова Пария.

14–15 августа: записывает догадку о том, что он открыл «очень большой континент, который до сегодняшнего дня был неизвестен».

19 августа: прибывает на Эспаньолу, где обнаруживает, что восстание Ролдана в разгаре.

1499 – Сентябрь: конец восстания Ролдана. Алонсо де Охеда³ высаживается на Эспаньоле.

25 декабря: Колумб снова слышит «небесный голос».

1500 – Июнь: Висенте Яньес Пинсон прибывает на Эспаньолу.

Август: Колумб подавляет очередное восстание под руководством Адриана де Мухики; Франсиско де Бобадилья⁴ прибывает для проведения судебного расследования.

Сентябрь: Колумб арестован.

Октябрь: Колумба отправляют в Испанию в цепях.

16 декабря: Колумб предстает перед Фердинандом и Изабеллой и удостоен хорошего приема.

1501 – Февраль: начало сохранившейся переписки Колумба с Гаспаром де Горрисио⁵; возможно, он работает над «Книгой пророчеств».

13 сентября: Николас де Овандо назначен губернатором Эспаньолы.

1502 – 13 февраля: Николас де Овандо отбывает на Эспаньолу.

² «Среди прочих [деяний]» (лат.).

³ Де Охеда Алонсо, Пинсон Висенте Яньес – испанские мореплаватели, участники экспедиций Колумба.

⁴ Де Бобадилья Франсиско – испанский дворянин, губернатор Вест-Индии.

⁵ Де Горрисио Гаспар – монах-картезианец (учение, сформулированное Рене Декартом).

13 марта: Фердинанд и Изабелла дают Колумбу разрешение совершить четвертое путешествие.

3 апреля: Колумб отправляется из Севильи в свое четвертое и последнее путешествие; задержавшись из-за непогоды, он покидает Кадис 11 мая.

20 мая: Колумб прибывает на остров Гран-Канария; отплывает 25 мая.

15 июня: прибывает на остров Мартиника.

29 июня: прибывает на Эспаньолу, где, в соответствии с приказом монархов, ему отказывают в убежище в Санто-Доминго от приближающегося шторма.

30 июня: шторм пощадил флот Колумба и его сокровища, но большая часть возвращавшегося домой флота была уничтожена, а Франсиско де Бобадилья погиб.

14 июля: покидает Якимо (южное побережье Эспаньолы).

30 июля: прибывает на остров Бонакка; начинается путешествие вдоль Центральноамериканского перешейка.

20 октября: обнаруживает богатую золотом провинцию Верагуа.

2 ноября: обнаруживает гавань Порто-Белло.

5 ноября: вынужден вернуться в Верагуа из-за плохой погоды.

10 ноября: обнаруживает залив Номбре-де-Диос.

1503 – 6 января: становится на якорь на реке Рио-Белен.

5 апреля: Колумб слышит «небесный голос».

16 апреля: уходит из почти заблокированного устья реки Рио-Белен с потерей одного корабля; следует вдоль побережья на сильно поврежденных морским червем кораблях в надежде достичь Эспаньолы.

1 мая: направляется к северу в открытое море; после того как его относит ветром на Кубу, достигает Ямайки 23 июня.

25 июня: высаживается в заливе Святой Анны на Ямайке.

Июль – август: во время пребывания отряда Колумба на Ямайке Диго Мендес добирается до Санто-Доминго на каноэ и по суше, чтобы обратиться за помощью, которую губернатор Овандо отказывается предоставить. Мятеж братьев Поррас.

1504 – 29 февраля: предсказав затмение, Колумб запугивает туземцев Ямайки, чтобы те обеспечили его отряд продовольствием.

Март: Диго де Эскобар возвращается в лагерь Колумба с Эспаньолы.

19 мая: мятеж братьев Поррас подавлен.

Июнь: спасательный корабль, посланный Диго Мендесом, забирает Колумба и его людей; они прибывают в Якимо 3 августа.

12 сентября: Колумб отплывает в Испанию.

7 ноября: Колумб прибывает в Санлукар-де-Баррамеду.

26 ноября: смерть королевы Изабеллы.

Декабрь: король Фердинанд принимает Диго и Бартоломе Колонов.

1505 – Май: Колумб, немного оправившись от крайне плохого самочувствия, отправляется ко двору. Начало лета: неудачная аудиенция у короля Фердинанда в Сеговии.

25 августа: Колумб добавляет распоряжение к своему завещанию.

1506 – Апрель: новые монархи, король Филипп и королева Хуана, прибывают в Испанию. Колумб пишет им свое последнее известное письмо.

20 мая: Христофор Колумб скончался в Вальядолиде.

Предисловие

Существует мнение, что Колумб был чудаком и сумасбродом. Такую репутацию он заработал еще при жизни. Его планы вызывали у покровителей снисходительную усмешку, а придворные относились к ним как к шутке⁶. Во время первого путешествия через Атлантику мятежники замыслили сбросить его за борт прямо во время непонятных манипуляций с новомодными громоздкими навигационными приборами⁷. Он утверждал, что слышит небесные голоса⁸. Он раздражал испанских монархов и их придворных, появляясь на публике в вызывающих нарядах – один раз в цепях и регулярно в одеянии францисканца⁹.

Эти эксцентричные выходки легко оправдать и даже приветствовать, поскольку бесы часто посещают гениев. Но у них было одно прискорбное последствие. Колумб притягивал таких же чудаков и сумасбродов, и, если бы один из многочисленных комитетов, созданных в честь пятисотлетия открытия Америки, предложил приз за самые глупые домыслы о нем, конкуренция была бы острейшей. Читатель, желающий узнать что-то о Колумбе, может быть основательно введен в заблуждение множеством дилетантов, исполненных благих намерений и взявшихся писать о жизни Колумба как несомненно значительной личности. Большинство книг о Колумбе были биографиями, в которых в лучшем случае давался абрис героя в исторической декорации. И основным их результатом стало создание популярных версий Колумба, «опередившего свое время», то есть Колумба, недоступного воображению, крепко спеленутого уважением к историческим источникам и массе сведений о том времени.

Если научные биографии до сих пор, за редким исключением, не дали более убедительного образа Колумба, вероятно, виной тому дезориентирующее влияние писателей XVI века, условно принятых в качестве первоисточников¹⁰. В течение 500 лет историография Колумба, образно выражаясь, плыла по воле ветра, хотя она давно нуждается в длительной стоянке в сухом доке, где ее, как плотно обросшее ракушками дно корабля, необходимо энергично очистить от клейкого налета ошибок и ложных представлений. А по возвращении на морской простор ей необходимо умелое управление, помогающее избегать вычурных теорий и невероятных домыслов. Как известно, в темном море голоса сирен раздаются со всех сторон.

Эта книга писалась в расчете на то, что читателям нужны по возможности точные и неприукрашенные факты о Колумбе. Я старался не писать ничего, что нельзя было бы проверить авторитетными источниками или сделать обоснованные предположения на их основе. Повествования XVI века не использовались, за исключением случаев, когда в них цитировались или пересказывались утраченные источники или содержались сведения, которые кажутся мне полезными и которые четко обозначены с предупреждением для читателя в тексте или концевых сносках. Даже заметки, написанные вскоре после смерти Колумба привилегированными наблюдателями, использовались редко и при условии подтверждения содержащихся в них сведений. Собственные рассказы Колумба, от которых вряд ли можно так же легко отмахнуться,

⁶ *Textos*, 101.

⁷ Las Casas, i. 189; эта виньетка убедительна, но не поддается проверке.

⁸ *Textos*, 268.

⁹ См. примечание 8 к первой главе.

¹⁰ Из современных работ только у J. Heers, *Christophe Colomb* (Paris, 1981) по-настоящему твердое мнение об эвгемеризме произведений XVI века, но, как и в других крупных научных биографических исследованиях, таких как S. E. Morison, *Admiral of the Ocean Sea*, и C. Verlinden, *Cristóbal Colón y el descubrimiento de America* (Madrid, 1967), как ни странно, нет особого интереса к изображению того, каким был Колумб. См. защиту Морисоном доверия к тем, кого он называет «современниками», i. 67–68. Монография, в которой ярко отражены некоторые из сокровенных забот Колумба: A. Milhou, *Colón y su mentalidad mesiánica en el ambiente franciscanista español* (Valladolid, 1983). Можно рекомендовать также C. de Lollis, *Cristoforo Colombo nella legenda e nella storia* (Rome, 1892) и J. B. Thacher, *Christopher Columbus: His Life, Work and Remains*, 3 vols. (New York, 1903–1904).

были тщательно обработаны и изучены, чтобы выявить намерения «протогнуть» какую-то идею или в чем-то оправдаться, что присутствует почти во всех мыслях, доверенных Колумбом бумаге, и искажает их. Одним из результатов обращения к трудам Колумба и моего скептического отношения к ним является то, что большая часть этой книги посвящена не столько тому, что случилось с Колумбом, сколько тому, что происходило в его голове, что, как ни удивительно, легче понять.

Появившийся в результате всех этих трудов образ Колумба, возможно, не более объективен, чем любой другой, поскольку он находится между сетчаткой глаза читателя и моей собственной. Этот образ, каким я его вижу, – амбициозный, но социально неуклюжий выскочка; отважный самоучка, которого тем не менее можно запугать; ожесточившийся беглец от тягостных реалий; авантюрист, сдерживаемый страхом неудачи, – согласуется с имеющимися свидетельствами, хотя на их основе, без сомнения, можно было бы сконструировать и любой другой. Иные исследователи представляли Колумба то практичным мореплавателем, то суровым материалистом, то мистическим провидцем, то воплощением буржуазного капитализма. Источники его мотивации усматривались в миссионерском порыве, общем религиозном убеждении, крестоносном энтузиазме, научном любопытстве, эзотерическом или даже «тайном» знании. А то и просто в жадности. Я нахожу все эти версии неубедительными, однако написал эту книгу не для того, чтобы предложить свою точку зрения как единственно верную, но чтобы дать читателям возможность сделать собственный выбор из целого ряда возможных вариантов.

Однако в историографии Колумба есть три традиции, которые я решительно отвергаю. Первая – традиция мистифицировать образ Колумба, отмеченная стремлением выявить некие тайные истины, которые не могут быть раскрыты на основании поверхностных свидетельств. В подобных сочинениях утверждается, что либо Колумб был не тем, кем казался, либо его план пересечь Атлантику имел какую-то секретную цель. Например, непроверяемые доказательства генуэзского происхождения Колумба не мешают мистификаторам приписывать ему в качестве места рождения Португалию, Кастилию, Каталонию, Майорку или Ибицу, иногда с помощью поддельных документов¹¹. Здесь же можно упомянуть еще одну устойчивую мистификацию – традиционное утверждение о еврейском происхождении Колумба. Хотя его собственное отношение к евреям было двойственным: с одной стороны, он относился к ним с уважением и, например, заявлял, что, подобно маврам и язычникам, они могут быть доступны влиянию Святого Духа. В то же время он разделял типичные предрассудки своего времени, осуждая евреев как нечестивых еретиков и обвиняя своих врагов в запятнанности еврейским происхождением¹². Так что теорию о том, что он сам был иудейского вероисповедания или происхождения, можно отстаивать только *ex silentio*¹³, при отсутствии доказательств, а то и вопреки им¹⁴.

Верящие в «тайные цели» Колумба игнорируют отсутствие доказательств, потому что любая иррациональная вера в них не нуждается. Так, например, некоторые достаточно авторитетные ученые утверждают, что все свидетельства того, что Колумб в 1492 году отправился

¹¹ В работе A. Ballesteros y Berett, *Cristóbal Colón y el descubrimiento de América*, 2 vols. (Barcelona, 1945), i. 90–130 рассматриваются все эти теории, кроме одной, причем в более ранних, что простительно, поскольку они предшествовали окончательному доказательству генуэзского происхождения Колумба, его описывают как грека, корсиканца, англичанина, француза или швейцарца. E. Bayerri y Bertomeu, *Colón tal cual fue* (Barcelona, 1961), 451–481, тратит много ненужной изобретательности на реконструкцию Колумба-каталонца с «острова Генуя» в Тортосе, но эту теорию не стоит даже опровергать. То же самое можно сказать и об относительно недавней неизобретательной попытке Л. Саладини воскресить Колумба-корсиканца (*Les Origines de Christophe Colomb*, Bastia, 1983). Есть и Колумб – уроженец Ибицы – это относительно новое изобретение местного журналиста, который заручился поспешным одобрением нынешнего главы семьи Колон, герцога Верагуа.

¹² *Textos*, 203, 258; *Raccolta*, I. ii. 366.

¹³ Доказательство, выводимое из умалчивания (*lat.*).

¹⁴ Наиболее убедительные разъяснения по этому поводу принадлежат S. de Madariaga, *Christopher Columbus* (London, 1949), esp. 50–65, и S. Wiesenthal, *The Secret Mission of Christopher Columbus* (New York, 1979).

в плавание с намерением открыть другой путь в Азию, должны быть «дешифрованы», чтобы продемонстрировать обратное. Утверждается также, что его план может быть объяснен или доступом к тайному предвидению, переданному ему «неизвестным кормчим», или предшествующим случайным открытием Америки самим Колумбом, или даже результатом его случайной встречи с американскими индейцами¹⁵. Читатели данной книги могут рассчитывать на то, что будут избавлены от подобных маловразумительных гипотез.

Вызывает возражения также вторая традиция – рассматривать недостаток доказательств как предлог для интуитивных догадок. Произвольные реконструкции того, что Колумб «должен» был думать или делать в те моменты, о которых нет сведений в источниках, становятся основой для необоснованных заключений. На основании подобных досужих размышлений Колумбу приписывают бурные любовные похождения, мистическое видение им Америки из Исландии или Порто-Санто, ничем не документированные посещения его некими «голосами» и стремление скрыть свое предполагаемое еврейское происхождение¹⁶. Иногда защитники этого метода выказывают откровенное презрение к основам исторических исследований, призывая «оставить пыльные документы на полке и вернуться к плоти и духу» или прибегая к домыслам на том основании, что «нет никаких документов, только реальная жизнь мужчин и женщин, в жилах которых текла такая же кровь, как у нас»¹⁷. Тем не менее, даже если кто-то склонен признать эти явно ошибочные доводы, предпосылки, на которых они основаны, ложны. У нас невероятно много информации о Колумбе. Ни один его современник такого же скромного происхождения и ни один мореплаватель не оставил столько следов в чужих записях и столько собственноручно написанных документов.

Последняя опасность, которой я пытался избежать, – это довериться легенде, созданной самим Колумбом. Полагаю, традиционная картина, рисующая невероятно целеустремленную личность, неверна. Хотя Колумб и являлся одержимым упрямым, его представление о себе, как я пытаюсь показать в этой книге, было омрачено сомнениями. Его идея о божественном предназначении возникла не сразу, она рождалась и развивалась в испытаниях. Его географические понятия формировались медленно и на ранних стадиях были весьма изменчивы. Его представления о мире развивались неравномерно, можно сказать, что его тянуло в разные стороны. Противоположная точка зрения – что его идеи пришли к нему внезапно, как бы в результате откровения или некоего «тайного» открытия, или что он следовал им неуклонно и целеустремленно, вопреки насмешкам современников – восходит к «рекламному» образу, который Колумб создавал в своих трудах на склоне лет. Его целью было не только драматизировать историю собственной жизни и подчеркнуть неоспоримое основание для притязаний на материальное вознаграждение, но и поддержать более широкое представление о себе как о посланце Провидения. Он утверждал, что был избран для выполнения Господней воли – распространять божественное слово в языческих уголках земли. Эта тенденциозная интерпретация собственной жизни была принята авторами XVI века, которые создали пространные труды, повлиявшие на всех последующих писателей. Бартоломе де Лас Касас¹⁸, чья работа сделалась основополагающей для всех современных исследований жизни Колумба, усвоил эту самооценку мореплавателя как божественного посланника, потому что разделял провиденциальный взгляд на

¹⁵ E. Vignaud, *Histoire critique de la grande entreprise de Christophe Colomb*, 2 vols. (Paris, 1911), *Le Vrai Christophe Colomb et la légende* (Paris, 1921); J. Manzano y Manzano, *Colón y su secreto: El predescubrimiento* (Madrid, 1982); L. Ulloa, *El predescubrimiento hispano-catalán de América* (Paris, 1928); J. Pérez de Tudela y Bueso, *Mirabilis in Altis: Estudio crítico sobre el origen y significado del proyecto descubridor de Cristóbal Colón* (Madrid, 1983).

¹⁶ G. Granzotto, *Christopher Columbus: The Dream and the Obsession* (London, 1986), esp. 121; P. E. Taviani, *Christopher Columbus: The Grand Design* (London, 1986), esp. 86, 109; Madariaga, *Christopher Columbus*, 55, 69.

¹⁷ Madariaga, *Christopher Columbus*, 36; Granzotto, *Christopher Columbus*, 121; даже Морисон поддается этому искушению, представляя, например, беседы Колумба со своей женой: i. 161; cp. i. 135.

¹⁸ Де лас Касас Бартоломе – испанский священник-доминиканец; выступал против геноцида коренного населения Америки европейскими колонизаторами.

историю, оправдывая и прославляя апостольскую миссию для индейцев, в которой лично сыграл немалую роль. Следующее весьма авторитетное повествование, *Historie dell'Ammiraglio*¹⁹, отражает во многом ту же точку зрения либо потому, что оно было заимствовано из работы Бартоломе де Лас Касаса, либо, возможно, потому, что оно не без оснований приписывается сыну Колумба²⁰. Хотя сейчас мало найдется историков, признающих провиденциальную концепцию истории, почти все приняли «мирскую» версию этой легенды, как правило с вводящими в заблуждение результатами. Некоторые некорректные выводы основаны, например, на мифе об «уверенности» Колумба, который восходит к образу, живо нарисованному Бартоломе де Лас Касасом: «Он был так уверен в том, что именно он откроет, как если бы он хранил это в комнате, запертой собственным ключом»²¹.

Колумба легче всего понять в контексте исторических реалий: Генуя и генуэзский мир конца XV века; затем генуэзское окружение в Лиссабоне и Андалусии, куда он переехал в критический момент карьеры; двор испанских монархов, который фактически стал местом его деятельности во второй половине жизни; картографирование и исследование Атлантики того времени; мир географических споров, в которые он активно вовлекался; и, в более общем ракурсе, постепенное смещение центра западной цивилизации из Средиземноморья в Атлантику, в которое он внес столь важный вклад. Я попытался вкратце обрисовать картину. Историки в наши дни должны стремиться не отнимать слишком много времени у читателей, и самая важная цель этой книги – рассказать о главном достоверно, но с подобающей краткостью.

Почти все, что я знаю о Колумбе, изучено за десять лет преподавания и послужило для написания статей, частично основанных на его трудах, на факультете древней и современной истории и факультете средневековых и современных языков Оксфордского университета. Среди коллег и учеников я особенно обязан Роджеру Хайфилду, Пенри Уильямсу, Джону Хоупвеллу и Алине Грушке. Мои ошибки, как и ошибки Колумба, проистекают из нежелания прислушиваться к советам²².

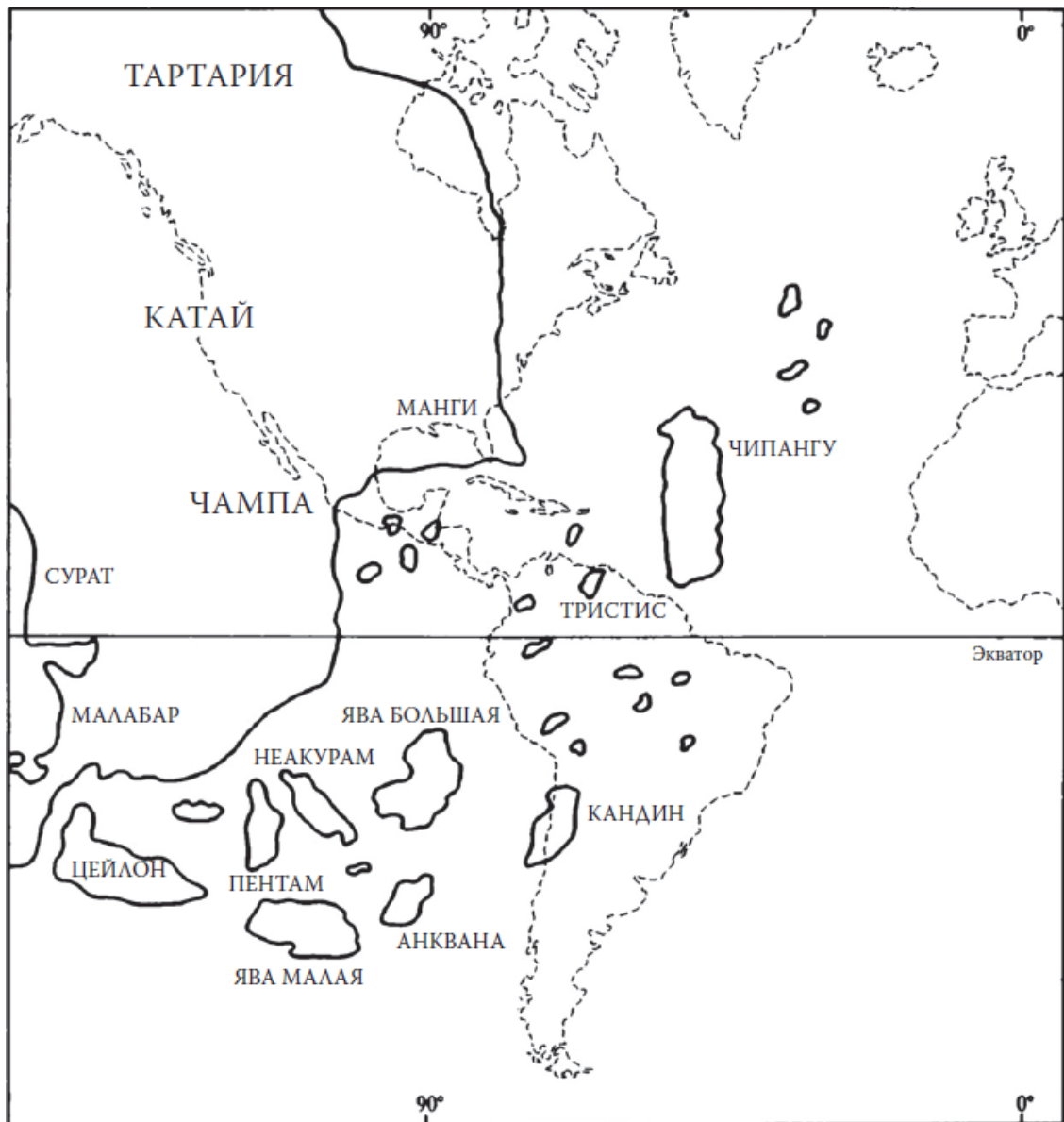
*Фелипе Фернандес-Арместо
Партни-Хаус, Линкольншир
июль 1990 г.*

¹⁹ «История адмирала» (исп.).

²⁰ Его публикация в 1571 году в любом случае была направлена на то, чтобы служить интересам семьи Колон. См. А. Cioranescu, *La primera biografía de Cristóbal Colón* (Santa Cruz de Tenerife, 1960) и А. Rumeu de Armas, *Hernando Colón: Historiador del descubrimiento de América* (Madrid, 1973).

²¹ J. Lamer, “The Certainty of Columbus”, *History*, 73 (1988), 3–23; Las Casas, i. 72.

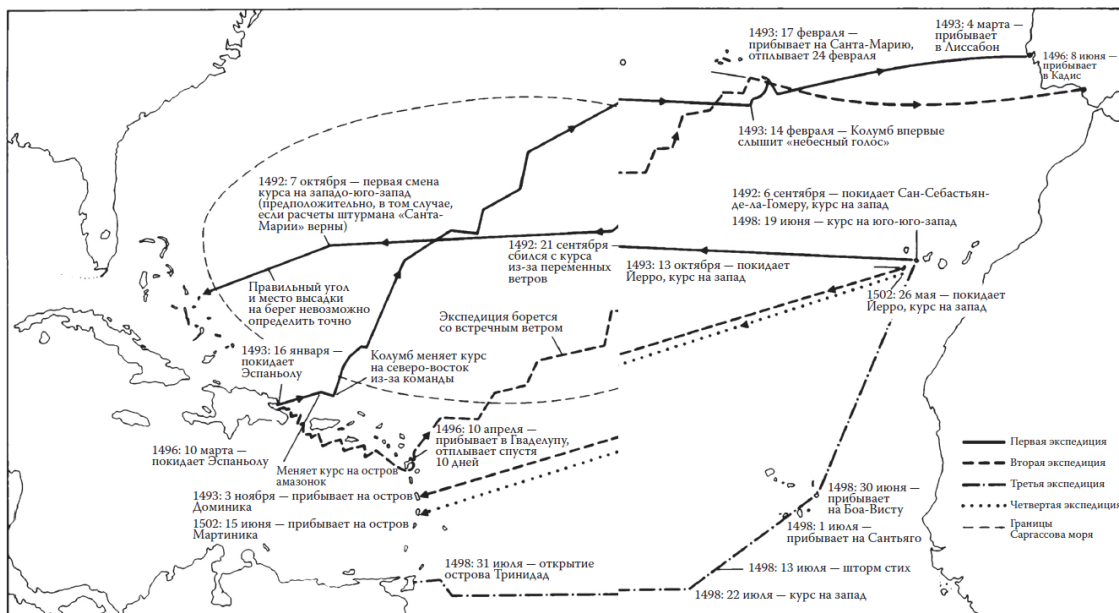
²² Пока шла работа над этой книгой, профессор А. Румеу де Армас привлек мое внимание к недавно обнаруженной рукописи, не имеющей какой-либо убедительной истории или происхождения, которая предположительно является копией некоторых документов Колумба XVIII века, включая ряд неизвестных текстов из других источников. Я испытываю глубочайшее уважение к суждению профессора Румеу, но считал своим долгом не принимать во внимание эту рукопись и в свое время перейти к ее подробной критике. Существует ее факсимильное издание: *Libro copiator de Don Cristóbal Colón* (Madrid, 1990).



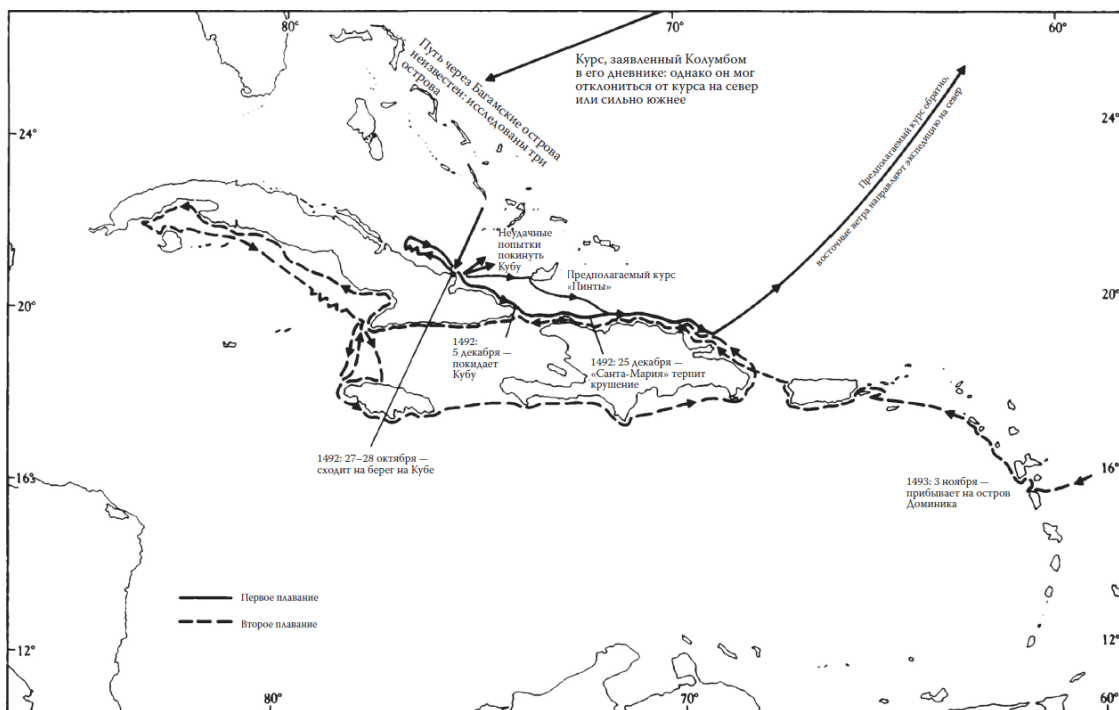
Мартин Бехайм. Представление об Атлантике



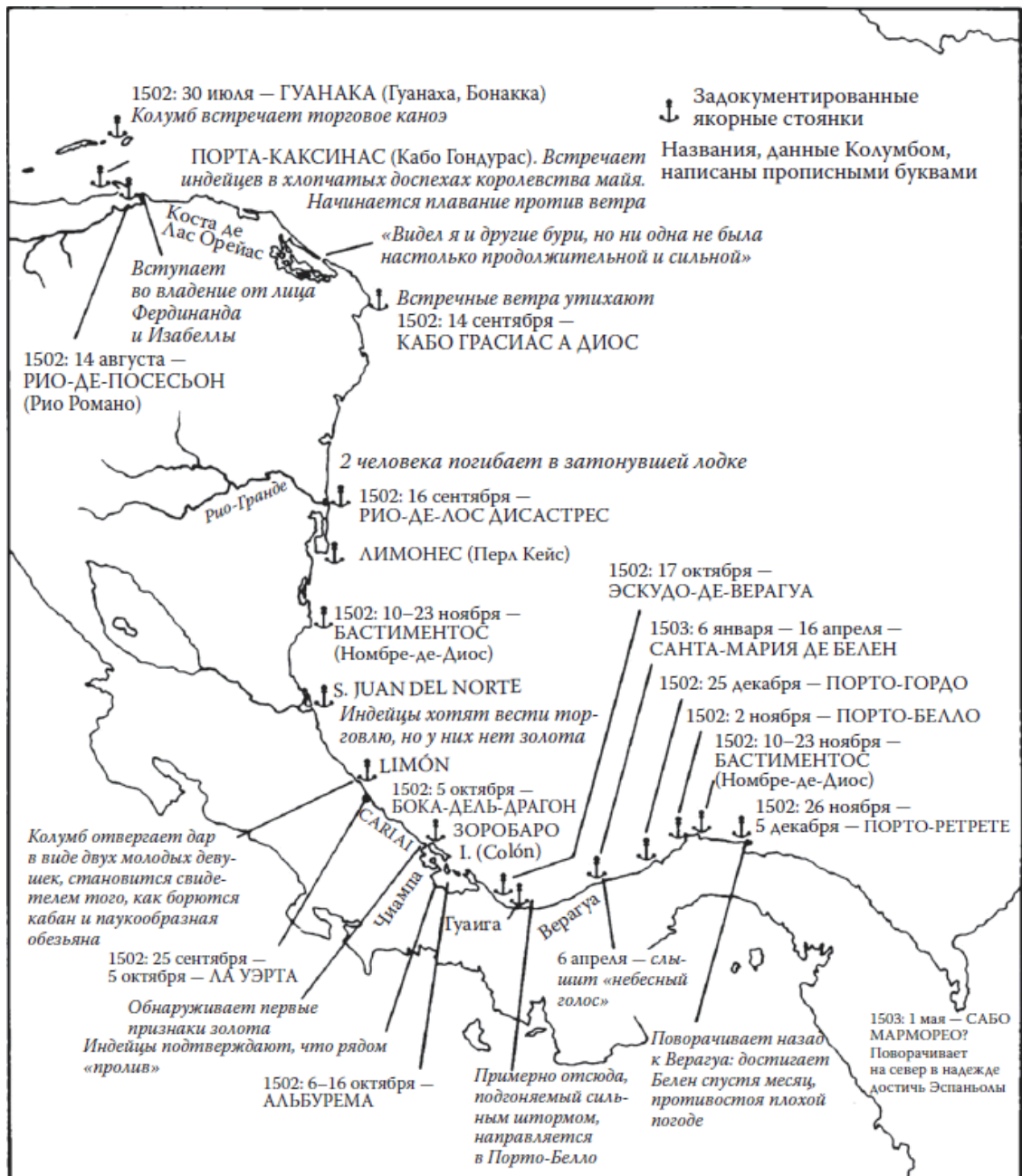
Колумб в Старом Свете



Маршруты Колумба через Атлантику



Колумб в Вест-Индии



Путешествие Колумба из Гондураса в Дарьен, 1502–1503 гг.

1

Человек почти ниоткуда От Генуи до Атлантики Ок. 1450–1480 гг.

Колумб начал свои путешествия с появления на свет в патриархальной семье и небогатом доме. Дошедшие до нас сведения позволяют с большой долей уверенности утверждать, что Кристобаль Колон, пересекший Атлантический океан в 1492 году, был тем самым Кристофоро Коломбо, родившимся в Генуе или поблизости от нее в семье ткача по имени Доменико, вероятно, немногим более 40 лет назад до этой даты. Доказательства заключаются не только в частых и, по-видимому, искренних уверениях самого Колумба о своем генуэзском происхождении, но и в несомненно подлинном документе, в котором некоторые из его генуэзских родственников заявляют о намерении отправиться в Испанию после того, как он прославился, чтобы искать его покровительства²³. Этот факт дает представление о социальной траектории жизни Колумба: ограниченное окружение, в котором он родился, с кучей близких и дальних родственников, стремление к мирскому успеху, толпа сородичей вокруг удачливого карьериста и роль кормильца семьи, на которую он был обречен своим нелегко завоеванным местом в мире. На закате жизни Колумб раздавал почетные титулы и богатства (в основном воображаемые) своим братьям и их наследникам. Невольно вспоминается Наполеон – еще один возникший почти из ниоткуда персонаж с ярко выраженными родственными чувствами, благодаря итальянскому происхождению превративший своих обедневших братьев и сестер в европейских монархов.

Хотя о ранних семейных обстоятельствах Колумба известно немного, очевидно, что он стыдился их. Он уклончиво рассказывал о своем происхождении. В одной из первых биографий, приписываемой его младшему сыну, высказано предположение, что всему виной скромность Колумба. Как утверждает его биограф, он предпочитал возвышаться благодаря заслугам, а не знаменитому происхождению, дабы утвердить свое место в мире²⁴. Аргумент, типичный для философии нравственности в эпоху Возрождения: благородство заключается не в древнем происхождении, а в личной добродетели. Однако эту концепцию, как и многие другие концепции века, Колумб разделял далеко не полностью. Он был бы не прочь похвастаться древним происхождением, если бы имел таковое. Мечта о прославленных предках прослеживается в его туманных намеках, что он «не первый адмирал в роду». Но он был более откровенен, когда признался, что его покровители подняли его из ничтожества²⁵.

Говоря о предке-адмирале, он одновременно скрывал любые упоминания о своем отце-ткаче. Такое же молчание окружало его мать Сусанну, дочь ткача, а также его сестру Бьянкинетту, вышедшую замуж за сыровара. Однако к братьям, дожившим до зрелого возраста, Бартоломео и Джакомо, известным в соответствии с испанской орфографией как Бартоломе и Диего, Колумб проявлял должные семейные чувства: «узы крови и великой любви», как он говорил²⁶. Бартоломе был его спутником и доверенным лицом в течение долгих лет, проведенных в попытках обрести покровительство при западных дворах латинского христианского мира, и правой рукой в его стараниях основать колонию в Новом Свете. Диего сопровождал

²³ *Raccolta*, II. i. 16; *Cristoforo Colombo: Documenti e prove della sua appartenenza a Genova* (Genoa, 1931), 116–117.

²⁴ *Historie*, i. 43–55.

²⁵ *Ibid.* 55.

²⁶ *Textos*, 189.

Колумба во втором путешествии через Атлантику и всегда пользовался его любовью и покровительством. «У меня никогда не было лучших друзей, – вспоминал Колумб в конце своей жизни, – и в плохую, и в хорошую погоду, чем мои братья». И это, пожалуй, не выглядит преувеличением в устах человека, которого в ненастье бросили многие друзья, приобретенные в хорошую погоду. Взаимная преданность Колумба и его братьев во время пребывания на испанской службе давала ему ощущение надежности и семейной солидарности на чужбине и во враждебном окружении, но вызывала негодование со стороны отстраненных подчиненных во время путешествий и управления колониями. Двоюродные братья Джованни Антонио и Андреа были с Колумбом во время третьего и четвертого путешествий соответственно и тоже вызывали у многих такие же неприязненные чувства, которые некоторые последователи Колумба испытывали ко всему семейству²⁷.

Доменико Коломбо был, возможно, не тем отцом, которым можно было гордиться. По-видимому, его вполне можно отождествить с тем ткачом, который, судя по документам, одновременно был хозяином таверны в Савоне и стремился улучшить свое положение, но в 1473 году серьезно нуждался в деньгах, ликвидировал движимое имущество, а десять лет спустя кредиторы вынудили его продать свой дом. Менее определенно его можно отождествить с Доменико Коломбо, стражем городских ворот в 1447 и 1450 годах. Даже эта скромная и неприбыльная должность не могла быть получена без покровительства одной из фракций, активно участвовавших в бурной генуэзской политической деятельности, но данное направление расследования, хотя и интригующее, сталкивается со множеством неясностей и вряд ли приведет к успеху²⁸. «Нищий Колумб» (как назвал его один из ранних комментаторов²⁹) не стал бы скрывать упоминание о таких ничем не примечательных родителях из соображений скромности. Его скрытность скорее объясняется неясностью происхождения. Да Колумб и не был человеком, совершающим что-либо из соображений скромности. Та скромность, которую он демонстрировал в дальнейшей жизни, когда ходил в грубой одежде³⁰, была откровенной работой на публику. Он утверждал, что вдохновлен Богом, что, как известно, иногда является формой унижения паче гордости. Роль великого дворянина и великого капитана-завоевателя, которую он придумал для себя в последние годы своей жизни, была для необразованного человека отлично прописана и не менее отлично выучена³¹.

Можно сказать, что единственной последовательно осуществляемой целью, которой была посвящена его жизнь, являлось желание стать родоначальником благородной фамилии. А заявленные им самим первоочередные задачи – служение Богу и монархам Испании, развитие науки – кажутся по сравнению с ними второстепенными или вспомогательными: это всего лишь вышивка на мантии самовозвеличивания, скроенной бывшим ткачом по своему вкусу. Его спутники во время первого путешествия через Атлантику не ошибались, когда ворчали, что всё, чего он хочет, – это «стать большим сеньором», ради чего готов рисковать своей и чужой жизнью³². В своем последнем плавании он отрицал любое стремление к «статусу и богатству», признавая косвенно, что до тех пор именно таковое служило ему целью³³.

Церковь и война были основными «социальными лифтами» во времена Колумба. Его младший брат Диего, возможно, решил, в какой-то момент до 1498 года, продолжить карьеру священника³⁴, но что касается Колумба, то, хотя в конце жизни он и стал в высшей степени

²⁷ *Cartas*, 289, 319; *Las Casas*, i. 497; *Textos*, 339, 351.

²⁸ *Raccolta*, II. i. 84–160.

²⁹ Thacher, i. 190; ср. акцент ранних генуэзских просопографов на его скромном происхождении: *ibid.* 196–207.

³⁰ *Las Casas*, i. 409; Bernáldez, 333.

³¹ *Textos*, 269, 272.

³² *Las Casas*, i. 189.

³³ *Textos*, 329, 361.

³⁴ *Ibid.* 191.

религиозным, неизвестно, были ли у него подобные устремления в молодости. В последнее десятилетие своей жизни он стал представлять себя почти священнослужителем, облаченным во францисканское одеяние и несущим свет Евангелия язычникам. И при этом примерно в то же время у него появилось какое-то солдатское самоощущение «капитана, посланного из Испании покорить многочисленный и воинственный народ»³⁵. Однако обе эти претенциозные позы стали поздними дополнениями к его самоощущению. Религиозность, как мы увидим, использовалась как убежище от невзгод, а роль воина-служака, как говорили в период опалы Колумба в 1500 году, просто маскировала его недостатки администратора. В письме, написанном в 1495 году, он намекал, почти наверняка с целью ввести в заблуждение, что в юности участвовал в качестве независимого капитана корабля в войнах между Анжуйской и Арагонской династиями за контроль над Неаполитанским королевством³⁶. За этим исключением, нет даже намеков на то, что у Колумба когда-либо был шанс построить военную карьеру.

Но XV век также предлагал амбициозным людям «морской» путь вверх, причем вехами на таком пути обычно бывали острова. Одной из самых популярных книг в эпоху правления Фердинанда и Изабеллы в Испании был «Тирант Белый»³⁷ Жуанота Мартуреля (упомянутый в «Дон Кихоте» как лучший в мире рыцарский роман), в котором один из персонажей, «король Канарских островов», вторгается в Европу, что автор описывает с определенной долей иронии. Создание островного королевства – обычная развязка в произведениях этого жанра: в «Дон Кихоте» традиция поддержана стремлением Санчо Пансы править островом. Когда Фердинанд и Изабелла добавили «король и королева Канарских островов» к перечню титулов на своих письмах, они превратили художественный вымысел, романтику в реальность, а Колумб воспользовался той же традицией, когда обратился к ним как к «королю и королеве островов Океана».

Подобная алхимия в начале века превращала выскочек из низов в знатных людей и губернаторов. Один из головорезов шайки «рыцарей и оруженосцев» Генриха Мореплывателя стал «Тристрамом с острова» благодаря службе на Мадейре. Нормандский авантюрист Жан де Бетанкур провозгласил себя в Севилье королем Канарских островов. Одним из тех, кто поднялся вверх благодаря островным приключениям в Океане-море (как тогда называлась Атлантика), был Бартоломео Перестрелло, посланный из окружения Генриха Мореплывателя обосноваться на острове Порто-Санто и управлять им. Женитьба на его дочери где-то между 1477 и 1480 годами (точная дата неизвестна) должна была стать первым большим шагом Колумба к повышению социального статуса³⁸.

Мир морских приключений, к которому приобщился Колумб, пожалуй, лучше всего был представлен фигурой графа Перо Ниньо, чья хроника, написанная его знаменосцем во второй четверти XV века, представляет собой рыцарский трактат и одновременно рассказ о разного рода битвах в жизни. Хроника *El victorial*³⁹ прославляет рыцаря, который никогда не был побежден ни на рыцарском турнире, ни на войне, ни в любви, чьи величайшие сражения происходили на море и для которого выиграть битву – «величайшее благо и величайшая слава в жизни». Когда автор рассуждает о непостоянстве жизни, его собеседниками являются Фортуна и Ветер, рожденные морем, «моим главным обиталищем». Младший современник Колумба, португальский поэт Жил Висенте, смог, благодаря рыцарским ассоциациям с морем, сравнить прекрасную женщину с кораблем и боевым конем, не вызывая при этом у читателя ощущения

³⁵ См. примечание 9 выше.

³⁶ *Textos*, 166–167.

³⁷ Первый рыцарский роман, написанный на каталанском (валенсийском) языке.

³⁸ F. Fernández-Armesto, *The Canary Islands after the Conquest* (Oxford, 1982), 136–140; *Monumenta henricina*, 15 vols. (Coimbra, 1960), ix. 55, 129; xi. 110, 142; P. Margry, *La Conquête et les conquérants des îles Canaries* (Paris, 1886), 253; *Fontes Rerum Canariarum* (La Laguna, 1933), ix. 31, 33; xi. 107, 215; *Historie*, i. 61–62.

³⁹ «Победитель» (*исп.*).

несоответствия. Как будто романтику можно было найти среди корабельных крыс, осточертевших сухарей на обед и волн, на которых судно мотало, как всадника при скачке на лошади. Нет никаких свидетельств того, что Колумб когда-либо читал рыцарскую литературу о море, но он жил в мире, пропитанном этими чувствами. Его жизнь была, в некотором смысле, воплощением всего этого, а острова, украшавшие герб, который он завоевал для себя, служили отражением его великой мечты⁴⁰.

Для малообразованного гемуэзского мальчика скромного происхождения профессия моряка являлась совершенно естественным выбором. Колумб был откровенен по поводу отсутствия у него школьного образования и наиболее красноречиво написал об этом в 1501 году, когда кульминация его карьеры была уже позади, состояния он не нажил, а здоровье было подорвано:

«Я плавал на всех известных морях. Я беседовал и обменивался идеями с учеными мужами, церковниками и мирянами, латинянами и греками, евреями и маврами, и многими другими представителями иных религий. Я обнаружил, что к этому моему желанию наш Господь был очень благосклонен, и за это Он даровал мне дух понимания. Он щедро одарил меня искусством мореплавания, дал мне достаточно знаний в астрологии, геометрии и арифметике, а также ум и мастерство, чтобы создавать изображения земного шара и рисовать на них города, реки и горы, острова и гавани, и все на надлежащих местах. На протяжении всего этого времени я читал книги любого рода и изучал географию, историю, хроники, философию и другие искусства, благодаря которым наш Господь Своей рукой открыл моему пониманию тот факт, что отсюда можно было доплыть до Индии»⁴¹.

Хотя это написано с целью объяснить происхождение его проекта пересечения Атлантики, создается впечатление, что Колумб описывает долгий и медленный процесс самообразования. Подобно другим религиозным людям в аналогичном положении, Колумб приписывал Богу то, что было им приобретено благодаря собственным усилиям – сочетание книжной учености и практической проницательности, отличавшее его в зрелом возрасте. Но свидетельство Колумба явно говорит о том, что в детстве из всего перечисленного он приобрел очень мало или вообще ничего. Он, конечно, никогда не учился в университете: его предполагаемое место среди выпускников университета в Павии было выдумкой одного из ранних биографов⁴². Оценка Колумба как человека «большого ума, но малого образования»⁴³, сделанная его другом Андресом Бернальдесом, священником и летописцем того времени, была точной. Колумба отличали характерные интеллектуальные изъяны самоучки. Его разум страдал от недостатков, вызванных беспорядочным усвоением случайных знаний, подобно кораблю, плывущему в беззвездном океане. Он читал внимательно, но не критически. За долгое время он усвоил массу информации, но так и не смог распорядиться ею наилучшим образом. Он мог имитировать различные стили на нескольких языках, но часто допускал глупые или смехотворные ошибки. В своих попытках рассуждать он приходил иногда к причудливым выводам, основанным на самых неубедительных доказательствах, которых он, возможно, научился бы избегать при нормальном академическом обучении. Он предвзято подбирал литературу для чтения, предпочитая то, что подтверждало его теории, и отвергая или искажая то, что в них не укладывалось.

⁴⁰ G. Diez de Games, *El vitorial*, ed. J. de Mata Carriazo (Madrid, 1940), 40–47, 86–96, 201, 256–261, 300; G. Vicente, *Obras completas*, ed. A. J. da Costa Pimpão (Barcelos, 1956), 55.

⁴¹ *Textos*, 277.

⁴² *Historie*, i. 56; Las Casas, i. 31; *Raccolta*, II. iii. 29.

⁴³ Bernáldez, 269–270.

В любом случае, по его признанию, юношеские путешествия предшествовали самообразованию. «С самого раннего возраста, – писал он в 1501 году, – я ходил под парусом по морю, само это занятие побуждает всех, кто им занимается, желать познать тайны мира»⁴⁴. Его мореходный опыт влек его, словно подхваченного ветрами и течениями, в океан географических предположений и догадок. Стремление к славе, скорее всего, пришло к Колумбу постепенно, по мере того как увеличивался его опыт мореплавания. Было бы опрометчиво предполагать, что он начинал свою морскую карьеру с какими-либо конкретными амбициями. Помимо генуэзского происхождения, единственным другим заслуживающим доверия утверждением Колумба о его молодости было заявление, что он вышел в море «в очень раннем возрасте». Дата этого события неизвестна. В биографии, приписываемой его сыну, сказано, что это произошло, когда будущему первооткрывателю было 14 лет. В 1492 году Колумб датировал то же событие 23 годами ранее (если можно доверять расшифровке документа)⁴⁵. В 1472 году Колумб все еще занимался, по крайней мере частично, семейным ткацким делом, хотя это не исключало морских путешествий, совершаемых, например, с целью покупки шерсти или продажи готовой ткани»⁴⁶.

Можно с уверенностью сказать, что его плавания с начала 1470-х до середины 1480-х годов могут быть реконструированы по более или менее случайно сохранившимся источникам (см. карту 1). На первый взгляд кажется, что они охватывают огромный диапазон, приводя нашего героя не только в родные воды Генуи в Лигурийском и Тирренском морях⁴⁷, но и на восток к границам Средиземного моря на остров Хиос⁴⁸, и на запад к самым отдаленным точкам судоходства в Атлантике: в Исландию на севере, Азорские острова в центре и Гвинейский залив на юге⁴⁹. К этому впечатляющему свидетельству об обучении морскому делу следует относиться с осторожностью, поскольку оно почти полностью основано на свидетельстве самого Колумба. Однако оно имеет смысл при внимательном рассмотрении ситуации в Генуе того времени и может восполнить недостаток наших знаний о раннем периоде жизни Колумба, представив нам атмосферу того мира, в котором он жил.

В своей «Космографии» середины XVI века Себастьян Мюнстер⁵⁰ решил представить Геную фигурой Януса с большим ключом⁵¹. Более популярная средневековая легенда выводит название города от предполагаемого основателя Трои Януса, но идея Мюнстера лучше отражает характер Генуи в том виде, в каком он стал определяться в позднем Средневековье: Янус, обращенный на восток и запад, с одной стороны к Леванту, Черному морю и Востоку, с другой – к Западному Средиземноморью, Магрибу и Иберийскому полуострову⁵². С конца XIII века, когда многие генуэзские корабли начали преодолевать неблагоприятное течение, не пропускавшее средиземноморские суда дальше Геркулесовых столбов, взгляд генуэзцев на запад все больше обращался в сторону просторов Атлантики. Несмотря на то что Генуя в шутку считалась «дверью» (лат. *ianua*) в Италию на пути вдоль Лигурийского побережья, она никогда не контролировала доступ по суше к Альпам или через них. Однако ее растущая морская мощь, ее обширная «империя» торговых колоний вдоль Иберийского и Магрибского морских путей к Атлантике и чрезвычайно большая доля в средиземноморско-атлантической торговле обес-

⁴⁴ *Textos*, 277.

⁴⁵ *Ibid.* 89.

⁴⁶ *Cristoforo Colombo: Documenti e prove*, 187.

⁴⁷ *Textos*, 306.

⁴⁸ *Ibid.* 55, 78.

⁴⁹ *Ibid.* 167; *Raccolta*, I. ii. 291, 364–369, 375, 390, 406–407; *Historie*, i. 64–67, косвенно подтверждено в *Textos*, 19.

⁵⁰ Мюнстер Себастьян – немецкий ученый, францисканский монах, сторонник Реформации.

⁵¹ S. Münster, *Cosmographia* (Basle, 1554), 139, 178; (1572), 178, 248.

⁵² Другое название – Пиренейский полуостров. – *Прим. пер.*

печили ей привилегированное положение в позднесредневековом освоении Атлантики. Ключ, который держит Янус на рисунке Мюнстера, открывает «дверь» не старой римской дороги из Галлии в Италию вдоль побережья, а Геркулесовых столбов.

Генуэзская сеть центров производства и торговли являлась империей лишь в самой малой степени. Во-первых, ей не хватало центрального руководства со стороны государственных учреждений. Во-вторых, она содержала несколько независимых колоний. В-третьих, из-за двойственного поведения генуэзских торговцев, чей успех во многом был обусловлен их взаимной солидарностью, но еще больше их умением приспособливаться и служить частным или семейным интересам, а не интересам своей нации. Более того, генуэзская политика носила черты «рака-отшельника», довольствовавшегося, по возможности, деятельностью внутри других государств или рядом с ними. От Византии и ханства Золотой Орды на востоке до Португалии и Кастилии на западе генуэзцы принимали покровительство иностранных властителей, результатом чего стала форма скрытого колониализма или суррогатного имперского строительства, при котором, например, большая часть прибыли от испанской заморской экспансии попадала в кошельки генуэзцев. Еще одним результатом данной политики стала идеальная среда для Колумба, который мог опираться на дружбу соотечественников, находясь на службе у иностранных монархов. Несомненно, здесь должны были соединиться выгоды от обоих факторов. Расселение генуэзцев по Средиземноморью, образовавшее целую сеть, почти империю, являлось не осознанной имперской политикой Генуэзского государства, а проявлением некоего неявно выраженного чувства национальной солидарности, подкрепленного семейными узами, а зачастую и превосходящего их. В разной степени это характерно и для других средиземноморских торговых сообществ. Ярким примером являются евреи, которые не имели собственного государства, но с легкостью переходили из порта в порт или с рынка на рынок среди своих единоверцев и осуществляли инвестиции по рекомендациям родных и двоюродных братьев. Даже в Венеции, где коммерческое право к XIII веку стало уже весьма изоциренным и где люди, не связанные родственными узами и даже незнакомые друг с другом, могли создавать совместные предприятия или участвовать в акционерных компаниях, большинство успешных торговых предприятий имели семейную основу. При этом быть генуэзцем означало принадлежать к сообществу с характерными чертами и неоспоримыми преимуществами. Генуэзская многосторонняя приспособляемость не исключала ностальгии по родине. Торговцам удавалось успешно адаптироваться к любой экономической среде и любому политическому климату, но при том они неизменно ощущали себя генуэзцами и умели постоянно использовать генуэзские связи. Названия улиц Кафы XIV века – независимой черноморской колонии Генуи – напоминали названия улиц дома. Поэт, известный как Аноним из Генуи, связывал приспособляемость соотечественников с их способностью воспроизводить атмосферу своего родного города:

Так много везде генуэзцев,
Толпятся они повсюду,
Приходят в любое место,
Куда им заблагорассудится,
И воссоздают там свой город⁵³.

Эта ностальгия, возможно, создавала чувство национального единения «экспатов», которому суждено было сыграть жизненно важную роль в карьере Колумба. Генуэзцы за границей, естественно, радушно принимали своих. Колумб был, пожалуй, самой известной личностью, на которую распространились их благодеяния. Сначала генуэзцы помогли ему в Лиссабоне, когда он переехал туда в 1476 или 1477 году, а затем в Севилье, когда использовали свое влияние

⁵³ *Poesie*, ed. L. Cocito (Rome, 1970), 566.

при испанском дворе на пользу Колумбу и собирали деньги для его предприятий. Разумеется, иногда коммерческие соображения могли перевесить обязательства, связанные с национальной общностью: в качестве примера можно привести смертельную конкуренцию генуэзских семей Чентурионе и Ломеллини, живших, соответственно, в Кастилии и Португалии, за долю в торговле золотом с 1440-х годов⁵⁴. Только родственные связи были достаточно прочными, чтобы обеспечить нерушимую связь и поддержку.

Одни и те же фамилии неоднократно встречаются по всему генуэзскому миру, от Черного моря в XIII веке до Карибского бассейна в XVI веке. Например, носители фамилии Каттанео, одной из первых знатных семей, открывших филиал в Кафе, оказались также среди первых итальянских торговцев, обосновавшихся в греческой Митилене; их родственники в Севилье стали сотрудниками Колумба, и они также сделали первой генуэзской фирмой, открывшей филиал в Санто-Доминго. Передаваемые акционерные компании, такие как Маона⁵⁵ (которая обладала монополией на эксплуатацию острова Хиос), встречались реже, чем семейные фирмы, и даже Маона приняла для своих членов общую фамилию и некоторые характеристики семьи. Каждый генуэзский бизнес позднего Средневековья, который был детально изучен, оказался в некотором смысле семейным предприятием⁵⁶. Таким образом, для Колумба, который не являлся членом купеческого клана, служба в торговом доме была важным, но ограниченным источником возможностей. Например, работа в фирме Чентурионе в конце 1470-х годов дала ему независимость от собственной семьи и старт в атлантическом торговом мире; но вряд ли это привело бы его к тому богатству и славе, к которым он стремился, и, хотя он был благодарен Чентурионе за хороший старт, о чем упомянул в своем завещании, он ушел от них, как только представилась возможность. Однако эти связи оказались и далее чрезвычайно ценными, поскольку Чентурионе выступил в качестве банкира, финансировавшего третье путешествие Колумба в 1498 году, и продолжал вести банковские дела наследников Колумба⁵⁷.

Разносторонние таланты генуэзских торговцев позволяли им приспосабливаться не только к разным условиям, но и к разнообразным видам торговли. В XII и XIII веках они прибыли в Восточное Средиземноморье в поисках специй как наиболее выгодного товара. Однако в течение XIV века генуэзцы переключили большую часть своих усилий (значительно большую часть в натуральном выражении и, возможно, чуть более 50 % в стоимостном выражении) на местные продукты Северо-Восточного Средиземноморского бассейна, более громоздкие при перевозке, но надежные в поставках: это были в основном хиосская мастика, фокейские квасцы, дунайские и другие северные лесные продукты, зерно с Кипра, из Дунайского и Черноморского бассейнов, а также рабы из стран Причерноморья. Специи, как правило, поставлялись через Бейрут и Александрию, где царили венецианцы. Генуэзские галеры к концу XIV века почти полностью сменились грузовыми кораблями. Примерно в то же время китайские шелка, являвшиеся ценным предметом торговли генуэзцев в Романии в начале XIV века, стали дефицитными из-за нарушения Монгольского пути в Китай⁵⁸.

Чтобы восполнить дефицит, пока под эгидой генуэзцев Сицилия и Алгарве не начали производить в промышленных объемах высококачественный сахар и шелк, Генуя нашла место для производства шелка и сахара недалеко от дома, на западной оконечности Средиземного моря, в Гранадском эмирате испанских мавров. Хотя сахар являлся скорее левантийским, чем

⁵⁴ J. Heers, "Portugais et génois au XVe siècle: La Rivalité AtlantiqueMéditerranée", *Actas do III colóquio internacional de estudos luso-brasileiros*, ii (Lisbon, 1960), 141–147.

⁵⁵ Маона – средневековая итальянская ассоциация инвесторов. – *Прим. пер.*

⁵⁶ J. Heers, *Gênes au XVe siècle* (Paris, 1961), 200–204, 544–549; M. Balard, *La Romanie génoise*, 2 vols. (Genoa, 1978), ii, 522–531.

⁵⁷ *Textos*, 188, 363; R. Pike, *Enterprise and Adventure* (New York, 1966), 99, 186, 192–193. Колумб заявлял о родстве с Фиески (*Textos*, 332), которые были родственниками Чентурионе, но до сих пор не обнаружено подтверждающих документов.

⁵⁸ M. Lombard, "Kaffa et la fin du route mongole", *Annales*, 5 (1950), 100–103.

полностью восточным товаром, он вместе с перцем, корицей, мускатным орехом, мускатным цветом и гвоздикой считался экзотической приправой. Примерно к той же категории принадлежали шафран, сушеные и засахаренные фрукты из Гранады. Производители сахара в Гранаде имели собственный порт в Альмерии, где обосновались представители большинства генуэзских торговцев в эмирате, но главным перевалочным пунктом служила Малага, превосходная гавань на морском пути из Средиземного моря в Атлантику, с выходом во внутренние районы Гранадского эмирата, являвшегося источником экзотических товаров.

Более того, будучи как бы восточным государством в Европе, Гранадский эмират пользовался привилегированным доступом к исламскому Магрибу и, следовательно, к золоту Сахары, всегдашнему полюсу притяжения европейского интереса к Африке в целом и в особенности к ее Атлантическому побережью в позднем Средневековье. В XV веке Малага обычно занимала третье или четвертое место среди иберийских портов, осуществлявших прямые поставки магрибского золота в Геную. Другими центрами служили Севилья, Кадис и Валенсия. Но все эти цифровые данные не раскрывают первостепенную важность Гранады в торговле золотом. Золото, попав на корабли, перемещалось далее сложными путями. Генуэзцы, по-видимому, посчитали, что удобнее покупать золото в Кастилии и Валенсии, где цена на серебро была относительно низкой. И хотя большая часть этого золота, особенно в Валенсии, являлась результатом прямой торговли с берберскими странами, одним из основных источников дохода Кастилии была дань, уплачиваемая Гранадой (что, должно быть, происходило практически на глазах у генуэзцев Малаги), которая затем попадала в руки их братьев, кузенов, партнеров и хозяев в Кадисе и Севилье⁵⁹. На протяжении всего времени обращения Колумба за покровительством к испанским монархам те вели войну с целью завоевать Гранаду. Малага перешла к ним через год после первого появления Колумба при дворе, а последний оплот мавров, сама Гранада, пала почти в тот же день, когда они решили дать Колумбу так называемое «королевское поручение». На этом фоне становится понятно то значение, которое Колумб придавал упоминаниям о торговле золотом в своей переписке с монархами⁶⁰.

Все отрасли, обслуживаемые генуэзской торговлей, имели географическую специализацию, которая, в свою очередь, подразумевала торговлю на большие расстояния. Текстильная промышленность зависела от завоза шерсти и красителей в центры производства, а пищевая – от поставок соли для засолки свежих продуктов. Генуэзские предприятия по производству золотых изделий (монет, сусального золота и золотых нитей) зависели от поставок африканского золота. Судостроению требовалось наличие технических специалистов и сырья – дерева, железа, парусины и смолы. Таким образом, необходимость генуэзского проникновения в Атлантику отчасти обуславливалась коммерческими потребностями и возможностями, создаваемыми присутствием генуэзцев в Восточном Средиземноморье. И когда в XV веке генуэзцы начали вести серьезную колониальную деятельность на атлантических островах, особенно на Мадейре и Канарах, Восточное Средиземноморье предоставляло жизнеспособные экономические модели и новые производства, изменившие природную среду этих островов и легшие в основу атлантической экономики на раннем этапе.

Главным был сахар – единственный из экзотических продуктов, излюбленных гурманами в латинском христианском мире, который можно производить в Средиземноморье. Первые генуэзские плантации сахарного тростника, имевшие коммерческое значение, по-видимому, находились на Сицилии, откуда в XV веке урожай вывозился сначала в Алгарве, затем на Атлантические острова – Мадейру, Западные Канары, острова Зеленого Мыса и Гвиней-

⁵⁹ A. Boscolo, “Gli Insediamenti genovesi nel sud della Spagna all’epoca di Cristoforo Colombo”, *Saggi di storia mediterranea tra il XIV e XV secoli* (Rome, 1981), 174–177; F. Melis, “Málaga nel sistema economico del XIV e XV secoli”, *Economia e storia*, 3 (1956), 19–59, 139–163; J. Heers, “Le Royaume de Grenade et la politique marchande de Gênes en Occident”, *Le Moyen Âge*, 63 (1957), 87–121.

⁶⁰ См. с. 84, 86–89, 106–108. [страницы оригинала]

ского залива, и к концу столетия сахар сделался основой их экономики⁶¹. К тому времени, когда сахарный тростник пересек Атлантику и был посажен Колумбом на Эспаньоле, эффективная модель производства сахара, как обычно считается, находилась уже не в Восточном Средиземноморье, а на Канарских островах. Тем не менее стоит помнить, что ранний этап карьеры Колумба охватывал весь генуэзский торговый мир, от Хиоса на востоке до атлантических архипелагов на западе, и что он хранил в своем сознании образы Средиземноморья. Он утверждал, например, что на Эспаньоле собирают мастику – должно быть, он думал об этом острове как о потенциальном Хиосе, где, как он помнил, торговля мастикой приносила 50 000 дукатов в год⁶².

Основные опорные пункты деятельности генуэзцев в Атлантике находились в Западном Средиземноморье, особенно в испанской провинции Андалусия, с ее центрами торговли африканским золотом и с глубоководными гаванями для атлантического мореходства. Характер генуэзской атлантической колонизации соответствовал той меркантильной, мелкомасштабной, семейственной, двойственной и «безгосударственной» традиции, которая в целом отличала деятельность генуэзцев, использовавших опыт торговли в Западном Средиземноморье. Точно так же, как в XIV веке центр генуэзской торговли переместился из Египта и Леванта на север, в Дунайские провинции Византийской и Османской империй и к Черному морю, отступая от области, где господствовали венецианцы, в XV веке постепенное перемещение генуэзцев на запад было вызвано возвышением османов, алчных завоевателей и ненадежных партнеров в торговле. К концу столетия Хиос являлся единственным сохранившимся независимым владением генуэзцев на востоке, превратившимся в перевалочный пункт для сбыта атлантического сахара. Некоторые искатели приключений среди генуэзцев, торговавших на востоке, поддались искушению отправиться за пределы досягаемости для турок – в Персидскую империю, Индию и даже Абиссинию. Но там они действовали без связи с родиной. Основное направление деятельности генуэзцев повернулось к родным водам Генуи и близлежащим окрестностям, а следовательно, и к Атлантике. Генуя находилась в таком же географическом отношении к Атлантике, как Венеция к Востоку. Генуэзцы, казалось, проникли повсюду: на Азовском море и на Канарах были места, названные в честь генуэзских авантюристов. Но Атлантика служила их сферой деятельности.

Однако, когда появилась возможность идти дальше в океан, Генуе не хватило ресурсов, особенно рабочей силы, чтобы использовать шанс в полной мере. Генуэзская экспансия, несмотря на ее необычайную способность к расширению, все-таки не была бесконечно гибкой. Отчасти из-за истощения колониальных ресурсов или просто потому, что в Генуе, печально известной перенаселенностью, больше не было места для строительства, ее рост, похоже, приостановился. Исходя из физических размеров города и количества зданий, французский историк Жак Эрс подсчитал, что в середине XV века население составляло более 100 000 человек, однако его оценки плотности населения, количества членов домохозяйства и количества домохозяйств в здании представляются завышенными. Данные переписи населения XVI века свидетельствуют о том, что предложенную Эрсом цифру можно уменьшить почти вдвое. Следовательно, численность населения Генуи сравнима скорее с Валенсией или Барселоной, чем с Венецией или Севильей⁶³. Город, когда-то покинутый Колумбом, не был затронут эпохой Возрождения, не отличался значительным развитием, не был украшен разбогатевшими «за морем» купцами и перестал быть «владычицей морей», прославлявшейся в пору расцвета. В атлантической торговле XVI века генуэзцы больше не фигурировали ни в качестве первопроходцев, ни даже, в какой-либо значительной степени, в качестве участников. Они были удо-

⁶¹ C. Verlinden, *Les Origines de la civilisation atlantique* (Paris, 1966), 167–170.

⁶² *Textos*, 56.

⁶³ Heers, *Gènes au XVe siècle*, 35–46.

стоены второстепенной роли, и их в основном заместили испанцы. Колумб стал практически последним мореплавателем-первопроходцем из генуэзцев, а его генуэзские покровители являлись представителями новой породы, предпочитавшей толстый кошелек наполненному ветром парусу. Их преимущества и ограничения – талант совершать экспансии в интересах других, сильно ограниченное количество мест базирования, традиция коммерческих завоеваний и создания несuverенных поселений – помогают объяснить, почему Генуя внесла жизненно важный вклад в исследование и колонизацию Атлантики, не создав при этом собственной Атлантической империи.

Что касается будущего Генуи в атлантической торговле, то самые важные из ее торговых поселений находились в Кастилии и, особенно, в Андалусии. По техническим и географическим причинам Кадис и Севилья служили наиболее значительными базами генуэзских купцов в Испании. Технические причины были связаны с судами и грузами. Еще в 1216 году Яков Витрийский восхвалял большие круглые корабли Генуи, которые могли плавать зимой и «сохранять свежесть пищи и воды», то есть расходовать корабельные припасы медленнее, чем галеры с большим количеством людей. Таким образом, генуэзцы располагали большими парусными судами, а также галерами, способными бороздить Атлантику, уже в конце XIII века. Коммерческие галеры исчезли у Генуи в течение следующих 100 лет⁶⁴. Можно с уверенностью предположить, что впервые круглые суда появились на атлантических маршрутах, где условия наименее благоприятствовали галерам. Однако причиной их использования являлось не только и даже не главным образом облегчение условий мореплавания. Венецианцы регулярно плавали в Англию и Фландрию на галерах, и, когда в XV веке Флоренция начала атлантическую торговлю, она также велась исключительно на галерах, которые были вполне пригодны для этой цели, и так продолжалось до появления Непобедимой армады. Предпочтение генуэзцами более экономичных морских перевозок оказалось результатом их зависимости от не слишком прибыльной оптовой торговли. В результате короткий рейс, прямо от выхода из Средиземного моря до Ла-Манша, стал не только возможным, но и жизненно необходимым, поскольку, используя мореходные преимущества круглых судов для уменьшения количества заходов в порты по пути следования и сокращения продолжительности рейса, торговцы могли обеспечить себе более высокую доходность. Не было особого смысла в том, чтобы продавать небольшие партии товаров, которые везли генуэзцы, их лучше было везти на крупные северные рынки, где можно было в обмен закупить шерсть и ткани. Наконец, генуэзским кораблям требовались большие глубоководные порты, подобные портам Кадиса и устья Гвадалквивира. Поэтому для генуэзских судов, направляющихся на север, стало обычным делом обходить Португалию, Кантабрийское море и Атлантическое побережье Франции.

Таким образом, для Генуи Андалусия стала такой же «пограничной» землей, как и для Кастилии. Генуэзская колонизация, начавшаяся еще до кастильского завоевания Андалусии, чрезвычайно усилилась в XIV веке, как только Генуя развернула северную торговлю, и снова в XV, когда сократилась торговля с востоком. Представление о масштабах и характере проникновения генуэзцев в Андалусию можно получить, взглянув на регион Кадиса и Хереса в XV веке⁶⁵. Прежде всего, очевидны растущие темпы генуэзского проникновения и его все более меркантильный характер. Например, первыми генуэзцами, поселившимися в Хересе в XIII веке, были Бенедетто Заккария, знаменитый флотоводец, и Гаспаро ди Спинола, посол в отставке. Заккария, по-видимому, отказался от торговли во время своего пребывания в Кастилии, и для ранних генуэзских колонистов, особенно в таких центрах, как Херес и Кордова, во

⁶⁴ Ibid. 271–279.

⁶⁵ H. Sancho de Soprano, *Los genoveses en Cádiz antes de 1600* (Larache, 1939); “Los genoveses en la región gaditano-xericense de 1460 à 1800 [sic for 1500]”, *Hispania*, 8 (1948), 355–402.

внутренних районах крупных портов, было обычным делом жениться на местных аристократках и становиться *рантье*, а не торговцами. В Севилье и Кадисе наблюдался обратный процесс, там генуэзцы смогли вовлечь аристократию в коммерцию за более чем два столетия растущего проникновения в местное сообщество и смешанных браков. *Новая волна* генуэзских иммигрантов в конце XV века состояла уже исключительно из торговцев и ремесленников. К XVI веку три четверти севильской знати носили генуэзские фамилии, а местный философ Якопо Адорно был всегда готов обосновать совместимость коммерции и дворянской чести. По мере роста темпов иммиграции увеличивался и размер общины. Большинство генуэзских пришельцев XV века, как правило, становились «гражданами» (*vecinos*), а также «временными жителями» (*estantes*), причем последние преобладали. Это определило относительную оседлость генуэзской общины Кастилии в XVI веке, когда жители принимали участие в строительстве испанской империи посредством банковского дела и инвестиций, вместо того чтобы продолжать осваивать новые рубежи⁶⁶

⁶⁶ M. Ladero Quesada, “Los genoveses en Sevilla y su región (siglos XIII–XVI): elementos de permanencia y arraigo”, *Los mudéjares de Castilla y otros estudios de historia medieval andaluza* (Granada, 1989), 283–312; Pike, *Enterprise and Adventure*, 1–19, 37–39.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.